

Въ деревнѣ*)

Въ началѣ 1933 года мнѣ какъ-то пришлось преподавать физиологію и гигиену спорта на «курсахъ стотысячниковъ». Это была цѣлая сѣть курсовъ, на которые правительство пыталось собрать сто тысячъ «лучшихъ физкультурниковъ СССР» и сдѣлать изъ нихъ инструкторовъ спорта. Набрали по всей Россіи тысячъ двѣнадцать, никакихъ инструкторовъ изъ нихъ, конечно, не сдѣлали, — и всѣ эти курсы постепенно и незамѣтно перешли въ небытіе. На этихъ курсахъ я и познакомился съ Сеней Шубейко, квадратно сколоченнымъ комсомольцемъ лѣтъ восемнадцати.

Знакомство наше состоялось по такому поводу: послѣ одной изъ лекцій Сеня Шубейко подошелъ ко мнѣ и не безъ нѣкоторой конфузливости сообщилъ, что хотѣлъ бы поговорить со мною «въ одиночку». Поговорили «въ одиночку». Выяснилась довольно банальная вещь: у этого парнишки, снаружи крѣпкаго, какъ дубовая кочерыжка, легкія уже проѣлъ туберкулезъ. Это одна изъ довольно обычныхъ оборотныхъ сторонъ совѣтской физкультуры (конечно, есть и не оборотныя): подстегиваемое сверху увлеченіе спортомъ при нехваткѣ жировъ, времени, витаминовъ, бѣлковъ, воздуха въ квартирѣ, хлѣба въ желудкѣ и при избыткѣ работы, очередей, общественной нагрузки, всяческой нервной трепки и беспрестанныхъ поисковъ въ разсужденіи, что бы пожрать. Я конечно, спросилъ о томъ, такъ чего же смотрѣлъ спортивный врачъ, — врачъ смотрѣлъ и врачъ говорилъ, что тренировку Сенѣ нужно бросить. Но Сеня былъ комсомольцемъ и, такъ сказать, восходящей звѣздой заводского футбольнаго поля, — поэтому полли врача были объявлены оппортунистическими, а Сеня доигрался до туберкулеза второй степени.

Я ему далъ много совѣтовъ: одни приблизительно невыполнимые, другіе приблизительно выполнимые. Къ числу послѣд-

*) Авторъ печатаемаго здѣсь очерка «Въ деревнѣ» И. Л. Солоневичъ лишь недавно бѣжалъ изъ Сов. Россіи. Давлема имъ яркая картина современной русской деревни является поэтому исключительно по своему интересу свѣдѣтельскимъ показаніемъ. Ред.

нихъ относилась техника ловли вороны и приготовленія оныхъ въ пищу. Вороны Сенѣ понравились.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя ко мнѣ заявился Сеня. Пришелъ, дескать, попрощаться: посылаютъ на колхозную работу, «въ помощь деревнѣ», въ числѣ какихъ-то не то 25-ти, не то ста тысячъ «лучшихъ пролетаріевъ города». На чинъ «лучшаго» Сенѣ какъ-то везло. Онъ былъ не лучшимъ, но, впрочемъ, и не худшимъ изъ рядового заводского молодняка. Не изъ тѣхъ, что выдумываютъ порохи, но и не изъ тѣхъ, кто занимается доносами. Не изъ тѣхъ, кого уже никакъ не удовлетворяетъ «Азбука коммунизма», но и не изъ тѣхъ, кто изъ-за этой азбуки готовъ вгрызаться въ чьи бы то ни было икры. Онъ, правда, былъ искренне убѣжденъ, что въ буржуйскихъ странахъ хлѣбъ дается по карточкамъ — правда, только буржуйамъ, пролетаріи же покупаютъ его на вольномъ рынкѣ и по спекулянтскимъ цѣнамъ, отчего буржуи жирѣютъ, пролетаріи дохнутъ съ голоду и все это видѣтъ взятое вѣжливостію толкаетъ вселенную къ мировой пролетарской революціи. Мои рецепты относительно вороны и нѣкоторыхъ другихъ вещей завоевали мнѣ Сеню. Но довѣріе, но его концепціи вольнаго буржуйскаго рынка я поколебать все-таки не смогъ: шакатнаго буржуя съ ощеренными зубами Сеня считалъ портретомъ, въ мировую же революцію вѣрилъ такъ же твердо, какъ его весьма несдалекіе предки въ Ильѣ Пророка.

Вопросъ о томъ, почему Сеня, вмѣсто помощи физкультурѣ, ѣдетъ заниматься помощью деревнѣ, — остался нѣсколько не выясненнымъ. Я осторожно осведомился о томъ, какія собственно познанія имѣетъ Сеня въ области сельскаго хозяйства, на что Сеня мнѣ отвѣтилъ, что у его мамы была конка, да и та подохла, и что этимъ всякая-связь его съ какимъ бы то ни было хозяйствомъ и ограничивается. Правда, до его отъѣзда осталась еще недѣля. Говорятъ, что будутъ какіе-то пятнадцатые курсы по линіи «помощи деревнѣ»... Онъ, Сеня, не сомнѣвается въ томъ, что въ области сельскаго хозяйства онъ за пять сутокъ превзойдетъ все, что полагается, и будетъ предсѣдательствовать въ какомъ-нибудь колхозѣ не хуже, чѣмъ всякій другой.

Прощаясь, Сеня очень настойчиво и даже нѣсколько трогательно приглашалъ меня посѣтить его будущій колхозъ. «вы же все равно по всей Россіи ѣздите, снимаете, описываете, — такъ ужъ лучше ко мнѣ заѣжайте. И помагать что-нибудь, кромѣ вороны, найдемъ». Я согласился: въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно. Сильно опасаюсь, что помимо нѣкоторой симпа-

тин къ моея «персональной личности», Сению соблазнила и перспектива увидѣть на страницахъ какогo-нибудь «Ударника Соціалистическаго Животноводства» (есть и такой журналъ) свою доблестную и ударную комсомольскую физиономію, въ этакoмъ колхозномъ окруженіи и въ сопровожденіи нѣсколькихъ строкъ хвалтуры на тему о «герояхъ соціалистическихъ полей»... Что дѣлать?.. Даже комсомольскія симпатіи рѣдко бываютъ вполнѣ безкорыстными...

**
*

Такъ Сени поѣхалъ «помогать деревнѣ» — въ числѣ сотенъ тысячъ — на этотъ разъ реальныхъ сотенъ тысячъ, «передвинутыхъ», отправленныхъ, мобилизованныхъ, а то и просто сосланныхъ за ненадобностью ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, — на «отвѣтственнѣйшій фронтъ соціалистической реконструкціи сельскаго хозяйства». Удивительно не то, что изъ этихъ сотенъ тысячъ рѣшительно ничего путнаго не вышло. Удивительно то, что послѣ нихъ картошка не совсѣмъ все-таки потеряла способность произрастать...

Лазарь Кагановичъ на конференціи ЦК Комсомола въ 1933 году заявилъ: «около половины нашего руководства въ деревнѣ состоитъ изъ молодняка въ возрастѣ отъ 17 до 21 года». Отбросимъ въ сторону всякую контръ-революцію. Отбросимъ въ сторону бухаринскую формулировку о «военно-феодалной эксплуатаціи деревни». Не будемъ вдаваться въ техническій споръ о преимуществахъ «самаго крупнаго землевладѣнія въ мѣрѣ» (конечно — СССР), надъ мелкимъ, распыленнымъ, кустарнымъ и прочее (скажемъ — Данія). Поставимъ вопросъ въ такой плоскости:

Двѣсти тысячъ совѣтскихъ колхозовъ — это двѣсти тысячъ имѣній, иногда крупныхъ, а иногда и гигантскихъ (знаменитая колхозная «гигантоманія»). Во главѣ имѣній такого порядка въ старое время сидѣли управляющіе, которые на этомъ дѣлѣ съѣдали по десятку собакъ каждый, которые съ этимъ дѣломъ возжались всю свою жизнь, которыхъ владѣльцы нѣнили, такъ сказать, на вѣсь золота и въ золотѣ и платили. Теперь вмѣсто матерыхъ старыхъ управляющихъ во главѣ этихъ двучсотъ тысячъ государственныхъ имѣній стоятъ около милліона лоботрясовъ вродѣ моего конкретнаго Сени. Иногда эти лоботрясы бываютъ лучше, иногда хуже, но лоботрясами они все же остаются: никакая комсомольская, заводская и прочая ячейка не пошлетъ на сельскій фронтъ ничего мало-мальски путнаго: путнаго и такъ не слишкомъ много, путное и самимъ нуж-

но. Людей отбираютъ по пролетарскому принципу. «на тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже»..

Конечно, что ужъ грѣха таить: основныя функціи этихъ лоботрясовъ заключаются именно въ томъ, что Бухаринъ обозвалъ военно-феодальной эксплуатаціей, и что російская публика зоветъ просто грабежомъ. Въ плоскости феодальныхъ взаимоотношеній нашъ Сеня надѣленъ всѣми сеньеральными правами, включая сюда и *ius vitae necisque*, — право на жизнь и на смерть въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Но кромѣ сеньеральныхъ правъ (эти права на пятидневныхъ курсахъ, конечно, могутъ быть усвоены на зубокъ), — у Сени вѣдь есть еще и кое-какія хозяйственныя функціи, каковыхъ въ пять сутокъ, не только Сенѣ, а, пожалуй, и Эйнштейну не превзойти... Вѣдь нужно распоряжаться и посѣвами, и скотомъ, и рабочей силой, и уборочными кампаніями, и инвентаремъ, и тракторами, нужно вести фантастическую по своей сложности и запутанности бухгалтерію «трудовыхъ дней», нужно выполнять безконечныя повинности: гужевую, дорожную, хлѣбную, мясную, нужно по контракціи снабжать заводы и стройки рабочими, пролаваемыми колхозами заводамъ, нужно впитать въ себя неисчислѣмыя директивы неисчислимаго начальства и извергать изъ себя столь же неисчислимые сводки, рапорты, отчеты, планы, — и при всемъ этомъ дѣлать исполненный энтузіазма и вполне понимающій видъ. Нельзя сказать, чтобы я искренне завидовалъ моему Сенѣ.

Недѣли черезъ двѣ я получилъ отъ Сени открытку, не согласованную ни съ какой въ мірѣ орфографіей и приглашающую меня въ «его» колхозъ, уже не абстрактный, какой-то, а вполне конкретизировавшийся колхозъ имени Розы Люксембургъ въ ЦЧО (Центральная Черноземная Область). Сильно опасаюсь, что о Розѣ Люксембургъ Сеня не имѣлъ никакого понятія. Но я все-таки поѣхалъ...

Въ мягкомъ вагонѣ — почти Европа. Электричество, занавѣски, проводникъ даже разноситъ чай. Правда, чай выросъ на морковныхъ плантаціяхъ Пищетреста, правда, вмѣсто сахара даютъ по леденцу на стаканъ, правда, ГПУ'сскій патруль время отъ времени степенно прохаживается по вагонамъ и обнодитъ пассажировъ упорнымъ, пронизывающимъ-раздѣвательнымъ окомъ, — а иногда и документы спрашиваетъ, — въ мягкомъ вагонѣ — рѣже, въ твердомъ — сплошь. Правда, есть и еще кое-какія «но», — однако, въ общемъ, — все-таки вродѣ Европы.

На станціи Орель я покидаю этотъ намекъ на Европу. Дальше идетъ линія Юго-Восточной ж д -- не магистральная, не

интуристская, не показательная, линия, по которой если и ѣздить вожди, такъ только губернскаго масштаба. Поѣзда здѣсь имѣютъ телячій составъ, — говарные вагоны, называемые теплушками въ томъ случаѣ, если они подаются подъ пассажирское движеніе. Станціонное зданіе основательно подчинено отъ всякаго пролетаріата, — чтобы не мозолили глазъ, но станціонныя задворки переполнены пестрой, разноязычной, одинаково рваной и голодной толпой: это участокъ великаго совѣтскаго переселенія народовъ. Это кочуетъ разноплеменный російскій мужикъ и разнокалиберный російскій рабочій

Куда онъ кочуетъ? Его маршруты подобны таинственнымъ путямъ перелетныхъ птицъ. Маршруты эти возникаютъ изъ-за полученнаго какимъ-нибудь донбассовскимъ рабочимъ письма о томъ, что вотъ-де, на Карагандѣ даютъ и хлѣбъ и крупу, — донбассовскій рабочій «загоняетъ» все, что у него имѣется, — въ первую очередь казенную «прозолежду», и устремляется на Караганду. Это называется текучесть и летучесть рабочихъ кадровъ. Мужикъ въ большинствѣ случаевъ кочуетъ не «куда», а «откуда», — лишь бы подальше отъ родныхъ мѣстъ, отъ раскулачиванія, отъ коллективизаціи и отъ сеньки съ малой буквы, — такъ чтобы нырнуть вотъ въ этакій телячій составъ и вынырнуть гдѣ-нибудь на краю свѣта, — безъ земли, безъ скота, безъ документовъ, безъ прошлаго, — безъ ничего. И, въ томъ числѣ, безъ повинностей. Голымъ человѣкомъ. Колесить по Россіи, добираясь до сказочныхъ «вольныхъ земель» въ Урянхайскомъ краѣ, прорывается на Дальній Востокъ, гдѣ не такъ грабятъ, какъ въ остальныхъ мѣстахъ, задерживается на всякихъ стройкахъ, Турксибахъ и Магнитогорскахъ, — потомъ опять кочуетъ на Алтай, на Алданъ, на Камчатку. А съ Алтая, Сибири, Алдана люди бѣгутъ на Донъ, на Украину, приноравливаются къ колхозамъ и къ совхозамъ въ качествѣ «пролетаріата наемнаго труда», — все-таки фунтъ хлѣба и никакого грабежа...

Этихъ кочующихъ мужиковъ я встрѣчалъ въ самыхъ неподходящихъ для мужицкаго житья мѣстахъ: на голыхъ горахъ Памира, въ ущельяхъ Сванетіи, въ каменныхъ дырахъ Лагестана и даже... въ подмосковныхъ лѣсахъ: въ лѣсу землянка и живетъ въ землянкѣ крестьянская семья, убѣжавшая, Богъ ее виааетъ, откуда. Живетъ грибами, ягодами, ставитъ силки на зайцевъ и коронъ, — вообще живетъ такъ, какъ жили ея предки до всякихъ попытокъ импорта на Русь порялка, — не только до Маркса, а и до Гостомысла.

Телячій составъ берутъ штурмомъ, хотя, собственно неиз-

вѣсно, куда, въ концѣ концовъ, пойдеть поѣзть. Но это — не такъ существенно, — лишь бы поскорѣе и подальше... Я вскарабкался въ теплушку, сѣлъ на полу вагона, свѣсилъ ноги за дверь и смотрю на проплывающую мимо степь, по которой въ свое время рыскали половцы, хозары, печенѣги, татары. Теперь по этимъ половецкимъ степямъ рыскають активисты — вродѣ моего Сени, вооруженные мандагами и наганами — и отъ нихъ стонъ стоитъ похуже, чѣмъ отъ половцевъ..

Товарный вагонъ подпрыгиваетъ по разболтанному полотну, осеннее солнце косыми лучами освѣщаетъ степь. Проплывають деревни то полуразрушенныя, то просто разваливающіяся... Вотъ отсюда мужики разбѣжались куда-нибудь въ несусветимую глушь и пытаются тамъ отсиѣться отъ социализма, а отсюда, видимо, выселены: избы разбиты снарядами, кое-гдѣ видны снарядныя воронки. Изрѣдка мелькають новыя хутора, окруженные молодою и уже запущенною порослью садовъ: это тѣ единоличники, которые во время НЭПа подъ вліяніемъ правительственныхъ обѣщаній и зазываній перешли на садово-огородную культуру. Сейчасъ садъ — это символъ кулацкаго происхожденія.

Мы полземъ, останавливаемся, опять полземъ. Къ утру, на разсвѣтѣ я высаживаюсь на станціи Десятка два оборванныхъ людей кучками спятъ на платформѣ. Подночь нѣтъ. До колхоза оказывается тридцать верстъ — обстоятельство, которое Сенька отъ меня предусмотрительно скрылъ. Тонаю пѣшкомъ..

Сенькинъ колхозъ — обычная деревня южно-русской полосы — разбросанная и раскидистая. Сейчасъ она производитъ впечатлѣніе заброшенности и запустѣнія. Спрашиваю у встречной бабы, гдѣ живетъ предсѣдатель колхоза. Баба мнѣ отвѣчаетъ кратко и вразумительно: «чтобъ васъ холера съ вашимъ предсѣдателемъ подушила».

Бабы вообще пользуются нѣкоторымъ — весьма относительнымъ — иммунитетомъ: что съ бабы возьми. Такими же усѣхами заканчиваються еще двѣ мои попытки. Одинъ мужикъ на мой вопросъ отвѣтилъ: «а кто е знаетъ, гдѣ ихъ какъ собакъ перѣзаныхъ, каждую нелѣпо новыя». Другой показать на избу, которая была забита и въ которой никто не жилъ. Наконецъ, какой-то парнишка комсомольскаго вида далъ мнѣ необходимые указанія и полюбопытствовалъ, есть ли у меня мандатъ. По совокупности вѣсхъ обстоятельствъ вмѣсто того, чтобы показывать мандатъ, — я предпочелъ послать парнишку въ нехорошее мѣсто отчего онъ проникнулся ко мнѣ пошлымъ уваженіемъ и даже провелъ къ предсѣдательской избѣ.

Почти пустая комната, — видимо бывшего волостного правления. Заваленный бумагами столъ. За столомъ молодой парень — лѣтъ 22-23, съ жесткимъ, озлобленнымъ и истощеннымъ лицомъ. На столъ передъ нимъ, на кипѣ бумагъ, точно пресс-папье, лежитъ наганъ. При моемъ появленіи въ дверяхъ человекъ протянулъ руку къ нагану, потомъ, увидавъ мои очки и прочее, сдѣлалъ видъ, что эта рука просто перебираетъ бумаги.

— Я пріѣхалъ къ предсѣдателю здѣшняго колхоза, товарищу Шубейко.

— Нѣту Шубейки.

— А вы кто будете?

— А я вотъ предсѣдатель. Только не Шубейко, а Никитинъ.

— Вотъ такъ клюква.. А Шубейко гдѣ?..

— А вы — кто?

Я объяснилъ...

— А мандатъ есть?.. А ну, покажите.

Человекъ разложилъ мой мандатъ на столъ, пристально прочелъ текстъ, потомъ штампъ — мандатъ былъ отъ одной московской редакціи — «Соціалистическаго Земледѣлія», потомъ сталъ разбирать печать, поворачивая бумажку во всѣ стороны.

— А еще какіе документы есть?

Я показалъ еще документы. Никитинъ сталъ ихъ разсматривать такъ же внимательно, какъ и мандатъ. Я тѣмъ временемъ усѣлся на табуретку у стола, вынулъ папиросы и протянулъ Никитину коробку. Никитинъ мелькомъ, но внимательно посмотрѣлъ на коробку — папиросы были весьма привилегированныя — потомъ на меня и вернулъ мнѣ всю пачку моихъ мандатовъ и прочаго...

— Такъ... Колхозъ нашъ, конечно, завалашій, однако, каждый день то ревизія, то такъ пріѣзжаютъ... Ну, изъ Москвы, конечно, рѣдко... Больше изъ области, изъ Воронежа. Какъ разъ вчера тутъ одна бригада уѣхала... Я имъ тутъ все написалъ, — онъ порылся въ бумагахъ, — вотъ Вы это вотъ прочитайте, колхозъ посмотрите... Знаете, — каждый почти день. Конечно, не изъ Москвы, а все-таки...

Я ему посочувствовалъ. Ревизіи, комиссіи, обследованія, бригады и прочая легкая и тяжелая «кавалерія», — на всякое совѣтское предпріятіе налетаютъ, какъ мухи на палаль. Обследуютъ всѣ, кому только не лѣнь... Помню, пріѣхалъ я въ одинъ подмосковный совхозъ. Директоръ совхоза посмотрѣлъ на меня взглядомъ загнанной лошади и сказалъ:

— Знаете что, товарищъ.. Подождите маленько. Тутъ у

насъ уже одиннадцать обследователей сидитъ. Вы — двѣнадцатый... Подождите, — еще наберется, такъ ужъ сразу..

Въ виду этого на бесѣдѣ съ Никитинымъ я не настаивать..

— Скажите, — спросилъ я, — а гдѣ же все-таки Шубейко?

— Шубейко, — переспросилъ Никитинъ, для чего-то заглядывая въ окно. — Подстрѣлили Шубейку...

— Убили?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ.. Въ районной больницѣ сейчасъ лежить...

— А кто подстрѣлилъ?..

— Да, по существу, неизвѣстно... Двухъ кулачковъ здѣсь за это разстрѣляли, да, видно, не они...

Если бы я спросилъ, — такъ за что же разстрѣляли этихъ двухъ «кулачковъ», — я совершилъ бы вопіющую безгактность, я проявилъ бы полное непониманіе «существа классово-вой борьбы на селѣ», я показалъ бы, что я не то дуракъ, не то контръ-революціонеръ. Почему сего нескромнаго вопроса я и не задалъ.

— Такъ я пока схожу провѣдаю его.

— Да, сходите, сходите... Я ужъ дней десять собираюсь, — все время нѣту... И изъ Москвы никто не пріѣхалъ. А парень, видно, помретъ... Хорошій парень, рабочій...

Районная больница помѣщалась въ старомъ, сильно обветшавшемъ земскомъ зданіи, верстахъ въ двухъ отъ села. Въ маленькой пріемной меня встрѣтила санитарка, сильно оборванная, но къ моему удивленію, чистая. Я спросилъ доктора. Доктора не было. Шубейко, дѣйствительно, лежалъ здѣсь, однако, санитарка колебалась, вправѣ ли она впустить меня.

— Мнѣ можно, — сказалъ я увѣренно — Я — изъ Москвы...

— Ахъ, изъ Москвы, ну, пожалуйста...

Въ довольно просторной, чисто выбѣленной палатѣ помѣщалось коекъ двадцать, почти вплотную другъ къ другу. Въ сущности это были не койки, а деревянные топчаны, покрытые соломой, правда, чистой, но только соломой, даже безъ покрывшекъ. Бѣдность во всемъ чувствовалась ужасающая, но за этой бѣдностью видна была и чья-то заботливая рука. Сенька лежалъ у окна, покрытый все тѣмъ же пальтишкомъ, которое я видалъ на немъ и въ Москвѣ. Ноги его прикрывалъ какой-то кусокъ рванаго одѣяла.

Я бросилъ взглядъ на табличку надъ Сенинымъ изголовьемъ. Тамъ стояло *septicæmia acuta*.

Значитъ, гнойное воспаленіе... Я вспомнилъ о Сениныхъ

легкихъ и еще кое о чемъ и понялъ, что съ этого топчана Сеня, видимо, уже не встанетъ. Да это было видно и по лицу, по которому ползали мухи и Сеня сгонялъ ихъ судорожной мимикой лицевыхъ мышцъ. Санитарка дотронулась до его плеча. Онъ открылъ глаза.

На его лицѣ появилась улыбка радостная и въ то же время какая-то растерянная и жалкая.

— Товарищъ Солоневичъ! Прѣхали? Вотъ это -- да!.. -- Онъ сдѣлалъ какое-то порывистое и беловкое движеніе и застоналъ отъ боли.

— Не рипайтесь, Сеня, — пошутить я, — лежите спокойно. Теперь ваше дѣло -- лежать и -- никакой активности. Я вамъ тутъ кой-чего пошамать привезъ..

— Да и такъ вотъ скоро мѣсяць лежу -- Его лицо опять перекосилось жалкой и дѣланной улыбкой. -- Вотъ помираю за революцію и хоть бы одинъ сукннъ сынь пришесть.

— Ну, вотъ, я, Сеня, пришелъ.

Сеня какъ-то отвернулся, посмотрѣлъ въ потолокъ и сказалъ странную вещь:

— Вы -- другое дѣло.. Вы контръ-революціонеръ.. Буржуй..

Я совсѣмъ удивился: -- Откуда вы это, Сеня, взяли?

— Взялъ. И самому видно, и нашъ парторгъ говорилъ. Передъ вашими лекціями. Предупреждалъ, значитъ.

— Ну, что-жь, Сеня, такъ можетъ мнѣ уйти?..

Сенина истощавшая до костей рука протянулась изъ-подъ одеяла и схватила меня за кофѣно..

— Нѣтъ, ужъ товарищъ Солоневичъ, голубчикъ, ну ужъ посидите.. Я не къ тому, что вы -- буржуй. Я совсѣмъ по другому.. Что -- буржуй?.. Я теперь вотъ лежу, помираю, думаю, -- что буржуй? Вотъ -- какъ вы мнѣ насчетъ футбола говорили, чтобы не играть.. и насчетъ воронъ -- Вѣтъ вы же мнѣ хотѣли помочь. Да и вотъ теперь -- пошамать, говорите, привезли. А вы, значитъ, буржуй, а я, значитъ, комсомолецъ.

— По политграмотѣ, Сеня, не выходитъ?

— И насчетъ карточекъ за границей. Я у одного рабочаго спрашивалъ, нѣмца.. -- толось Сени слегка мзгать -- Нѣту карточекъ. Никакихъ. И кажній, говоритъ, рабочій велосипедъ имѣеть. Ну, и вообще. По иному.. А тутъ вотъ я прѣхалъ.. помогать деревнѣ, .. ихъ мзгать. Вотъ и бабахнули.

— А за что васъ бабахнули?

Сеня согналъ мухъ съ лица и сказалъ тономъ серьезнымъ и спокойнымъ

— А, что говорить . За что слѣдовало, за то и бабахнули

Я нѣсколько растерялся . Не очень многого ожидать я отъ Сени, а ужъ такой формулировки — меньше всего . Я молчалъ, таки началъ говорить . Лицо его подергивалось . — Сами знаете, таки началъ говоритъ . Лицо его подергивалось . — Сами знаете, что на селѣ дѣлается... Врутъ намъ . Больно много намъ врутъ . — Онъ опять помолчалъ . — Классовая борьба... Классовая борьба, . ихъ мать . . Буржуи, подумаетъ . . Банкиры . . Мнѣ тутъ, какъ отвѣтработнику, молоко выписывали . Дѣтчки собираются въ хату, да прямо въ рогъ смотря, въ глотку не лѣзеть . . Весной траву тли, съ голодухи народу сколько вымерло... А мы ихъ по Сибири разсылаемъ, къ стѣнкѣ ставимъ... Вотъ я — тоже . Деревнѣ помогать ! Семью тутъ одну выслали... Парнишка у нихъ одинъ былъ . Ну вотъ и .. — Сеня запнулся и посмотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ...

Я сидѣлъ подавленный..

— Скажите, Сеня, выхолить такъ, что вы знаете?..

Сеня отвелъ отъ меня глаза и сталъ смотрѣть въ потолокъ . Пальцы его судорожно мяти рваный рукавъ пальтишки...

— А мнѣ зачѣмъ объ немъ говорить?.. Былъ бы я на его мѣстѣ, такъ я не то что изъ ружья, — зубами грызть сталъ бы... — Сеня со стономъ повернулся ко мнѣ и опять схватилъ меня за колѣно...

— Только ужъ вы, товарищъ Солоневичъ, ужъ я васъ очень прошу, никому не говорите . Размѣняютъ парнишку -- только и всего... Я вотъ лежу тутъ, все думаю думаю . Митицян разъ пять приходила, все выпрашиваетъ . Сволочи Охъ, и сволочи же .. И вотъ — вы -- тоже . Образованный . Про всякую говенную физкультуру рассказывали, -- а объ чемъ нужно, такъ молчали . На партячейку оглядывались .

— Ну, а если-бъ я не молчалъ, — вы повѣрили бы?

Сеня снова посмотрѣлъ въ потолокъ

— Развѣ я знаю . . Здорово ужъ насъ заморочили . Конечно, ничего не выдавши... И всякій слово сказать боится

Его рука снова легла мнѣ на колѣно.

— Вы ужъ не обижайтесь, товарищъ Солоневичъ . А только, знаете, помирать такъ — ужъ очень обидно . Ну, я понимаю, ежели бы на фронтѣ , или какъ . а то на туринцу . ни за полкопѣйки... — въ голосѣ Сени послышались слезы

Я сталъ успокаивать Сеню . Въ мои метинскіи познанія — послѣ моихъ гигиеническихъ и ворошыхъ совѣтовъ — Сеня вѣрилъ крѣпко, правда, безъ достаточныхъ къ этому оснований, — впрочемъ, когда же вѣра имеетъ достаточныхъ оснований?

Человѣкъ грѣшный — я даже сказалъ нѣсколько банальныхъ фразъ объ издержкахъ революціи и о новомъ строѣ, въ мукахъ рождающемся на російскихъ просторахъ... Вышло все это не очень удачно. И эти революціонныя банальности испортили впечатлѣніе отъ моихъ медицинскихъ утѣшеній. Я сдѣлалъ и еще болѣе глупую вещь — протянулъ Сенѣ плитку шоколада и коробочку кубиковъ магги...

Сеня неувѣренными пальцами сталъ развертывать плитку.

— Ишь ты, — сказалъ онъ, — заворочено-то какъ... Не то, что хлѣбъ по карточкамъ... Заграничный? Я и русскаго сроду не ѣдалъ.. А это что? Конфеты? Бульонъ? Вишь ты. А какъ его ѣсть-то?..

Санитарка принесла кружку кипятку, я развелъ два кубика. Сеня съ наслажденіемъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. Остатки шоколада и бульона Сеня оставилъ на табуретку: — сосѣда надо угостить, — сказалъ онъ, — тоже такого никогда и въ ротъ не бралъ...

Я посмотрѣлъ на сосѣда. Въ полубредовомъ снѣ стоналъ на соломѣ какой-то деревенскій парень — возраста Сени или около этого. На мой вопросительный взглядъ Сеня отвѣтилъ:

— Тоже — «классовый борецъ»... Только, видно, съ другой стороны... Прострѣлили. А кто и гдѣ неизвѣстно... — И Сеня посмотрѣлъ на меня, словно желая убѣдиться, вѣрю я его информации или нѣтъ.

Потомъ онъ повертѣлъ въ рукахъ коробочку съ магги и разноцвѣтную съ золотыми наклейками обертку шоколада.

— А вы говорите — не зря мы погибаемъ... Вотъ — какъ тамъ люди ѣдятъ. Булѣны всякіе... А у насъ — траву жрутъ. Съ голоду пухнуть... — Яркая бумажка видимо символизировала для Сени тотъ буржуйскій міръ, во имя ниспроверженія котораго шла вся эта революція, милліоны Сенскъ платили своей жизнью, — да и онъ. Сеня, готовился внести сюда очередную взнось.

— Какъ подумаешь, такъ ну его ко всѣмъ чертямъ!..

Дверь скрипнула. Я оглянулся. Въ палату вошелъ докторъ — типичный земскій врачъ, съ жилкой бородежкой и въ разбитомъ пенснѣ. Докторъ посмотрѣлъ на меня крайне неодобрительно. Предупреждая его выговоръ за самовольное вторженіе въ палату, я всгаль и извинился. Докторъ пробурчалъ что-то невнятное, пощупалъ Сенинъ пульсъ, покосился на шоколадъ и магги на столѣ, на желтый чехолъ моего новенькаго меттеля, и посмотрѣлъ на меня взглядомъ неудовлетвореннаго классификатора. Я сталъ прощаться съ Сеней.

— Если будетъ время, зайдите еще... Такая госка... И, можетъ, почитать что-нибудь достанете.

— У меня Сейфулина есть.

— А ну ее, Сейфулину. О совѣтской вошн я и безъ Сейфулиной все знаю. Что-нибудь о настоящей жизни, какъ люди живутъ... Можетъ Гончарова или заграничное что-нибудь...

Я обѣщалъ. Сеня задержалъ мою руку въ своей изсохшей до прозрачности рукѣ. Въ его глазахъ появилось жалкое, подѣтски беспомощное и обиженное выраженіе.

— А что я вамъ насчетъ физкультуры сказать, — не обижайтесь... И насчетъ этого парнишки... Я только вамъ сказалъ. Не скажете?

— Нѣтъ, что вы, Сеня, конечно.

— А если ребятъ нашихъ увидите тамъ, на заводѣ, скажите, пропаль Сеня ни за поюшку табаку. Какъ дуракъ, скажите, пропаль...

— Что вы, Сеня, бросьте вы нюни распускать.

— Нѣтъ, я ужъ это знаю... — Но Сениному лицу покатались крупныя дѣтскія слезы... Онъ выпустилъ мою руку и отвернулся въ сторону. Я постоялъ у Сенинаго топчана, пристыженный и растерянный, и вышелъ вонъ.

Мнѣ нужно было еще сходить на машинно-тракторную станцію. Но не хотѣлось никуда идти и ни съ кѣмъ говорить. Я сѣлъ на крылечкѣ больницы и сталъ курить папиросу за папиросой. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты униженія и пришибленности — такую минуту переживалъ и я. Этотъ нехитрый заводской парнишка, съ которымъ я разговаривалъ такимъ покровительственно-взрослымъ тономъ, о которомъ я искренне думалъ, что никакой Америки онъ не откроетъ, — Америку, оказывается, открылъ. Тяжко далась ему эта Америка. И тяжко ему съ этимъ открытіемъ умирать... И вотъ, я, дуракъ, шоколаду принесъ, магги принесъ, идіотъ... какъ будто специально для того, чтобы яркостью шоколатной обертки и ароматомъ буржуйскаго бульона еще рѣзче, еще жестче подчеркнуть всю бессмысленность Сениной смерти, всю безперспективность той кровавой каши, въ которой гибнутъ милліоны Сенекъ, Ванекъ, Петекъ... Шоколадку! Сеня, корчась отъ боли и душевной и физической, находить въ себѣ и честность и мужество не выдать своего убійцу, а я, — шоколадку. Какъ все это глупо. — Какъ все это безпросвѣтно и кроваво глупо.

Докторъ вышелъ изъ больницы и посмотрѣлъ на меня своимъ классификаторскимъ взглядомъ.

— Вы — родственникъ?

Я объяснилъ.

— Судя по вашему диагнозу, — кажется безнадежно, — спросилъ я.

Докторъ пожалъ плечами.

— Въ другихъ условіяхъ... При менѣе подорванномъ организмѣ можно было бы рассчитывать на полное выздоровленіе. Но въ данныхъ условіяхъ... — На лицѣ доктора была написана фраза о томъ, что наука-де бессильна и что все, что онъ могъ сдѣлать, — онъ сдѣлалъ.

— Совершенно идиотская бессмыслица, — сказала я.

— Да, — подтвердилъ докторъ, — смысла не очень много. .

Помолчали. Я спросилъ доктора, какъ мнѣ пройти на МТС*).

— Ничего вы тамъ не увидите, — сказала докторъ. — Тракторное кладбище... Директоръ МТС — человекъ совсѣмъ безголовый. Мы его здѣсь зовемъ кладбищенскимъ сторожемъ. Кстати, тамъ сейчасъ никого нѣтъ. Всѣ въ разъѣздѣ. У меня есть другое предложеніе. Зайдемте ко мнѣ. Я васъ чайкомъ угощу. Съ медомъ. О Москвѣ расскажете. .

Просторная комната деревенской избы, съ чисто выбѣленными стѣнами. На стѣнахъ — портреты композиторовъ — и ни одного вождя. Видимо, докторъ чувствуетъ себя достаточно независимымъ, если рискуетъ обходиться безъ этихъ обязательныхъ иконостасовъ.

Въ комнату вошла молодая женщина съ подойникомъ зъ рукахъ.

— Позвольте васъ познакомить. Это моя жена, Ольга Тимофеевна. Это... — Я отрекомендовался. Ольга Тимофеевна поставила на полъ подойникъ, вытерла фартухомъ руки и засмѣялась:

— У меня здѣсь цѣлая молочная ферма — три козы.

— У нея и козы, и огорода, и ульи, сочувственно подтвердилъ докторъ. — Не ферма, а цѣлый совхозъ

— Хочу.

-- А васъ не раскулачатъ?

-- Пробовали... Мужъ сказалъ, что если съ моихъ козь будутъ взыскивать молоко, а съ огорода -- картошку, онъ броситъ больницу: онъ не можетъ работать голоднымъ. Потомъ, знаете, и мѣстная знать у него дѣшится. Такъ что я подъ прикрытіемъ краснаго креста могу васъ даже чаемъ напоить -- съ молокомъ и съ медомъ.. Хотите?

*) МТС — Машинно-Тракторная Станція

Отъ этой комнаты и отъ этой женщины вѣяло тепломъ и уютомъ, какого я давно уже не испытывалъ. Вѣяло д о м о м ъ .
А у кого въ Россіи есть сейчасъ домъ?

Ольга Тимофеевна начала хлопотать по хозяйственной части, перекидываясь со мною фразами о Москвѣ и о музыкѣ. Оказалось, что она піанистка, — но инструмента, конечно, нѣтъ... И оказалось, что, кромѣ того, она и врачъ. Этотъ послѣдній фактъ сообщенъ мнѣ былъ подѣ величайшимъ секретомъ: если узнаютъ, что она — врачъ, ее «мобилизуютъ», будутъ давать фунтъ хлѣба въ день и полтора рубля въ мѣсяць, за каковыя, полтора рубля, купить вообще ничего нельзя, а въ деревнѣ — тѣмъ болѣе. Словомъ — врачебная работа означала бы голодъ. Правда, помимо домашняго хозяйства, Ольга Тимофеевна работала и въ больницѣ. Но, такъ сказать, полудегально, подѣ сурдинку, какъ выразилась она.

Поговорили о положеніи совѣтской медицины вообще и сельской въ частности. Поговорили о Москвѣ. И докторъ и его жена оказались старыми москвичами, но пока что предпочитаютъ отсиживаться здѣсь, въ глуши... Однако меня интересовали не московскія, а колхозныя темы — въ преломленіи мѣстныхъ условій и съ точки зрѣнія мѣстной интеллигенціи.

Когда чай былъ выпить, докторъ покосился-покосился на мои папиросы и потомъ вздохнулъ.

— Дайте, ужъ закурю...

— Не нужно, Федя, выкуришь нѣсколько папиросъ, а потомъ нѣсколько дней будешь мучиться, — тянуть будетъ.

— Судьба, — философически сказала докторъ. — И. Л. уѣдетъ, и моя пагубная страсть погаснетъ за отсутствіемъ питательной среды... Я, собственно говоря, — обратился онъ ко мнѣ, — курить бросилъ просто потому, что курить нечего. Только изрѣдка кое-что перехватишь, а потомъ недѣлями сидишь безъ курева. Проще — сразу бросить... Но папиросы у васъ кажутся, хорошія — соблазнъ...

Докторъ, жмурясь отъ удовольствія, основательно затянулся и сказалъ:

— А, хорошо!.. Такъ вы, значить, хотите информацию о нашемъ колхозѣ? Ладно. Я вамъ прочту нѣкую лекцію...

Я усѣлся поудобнѣе. Ольга Тимофеевна махнула рукой и встала.

— Я ужъ лучше уйду. Не могу я его колхозныхъ разговоровъ слышать. У Федя какія-то астрономическія точки зрѣнія.. Словно здѣсь не живые люди, а такъ, абстракція какая-то

- - Обыкновенная, врачебная, точка зрѣнія. Я ставлю діаг-

нозь. А это ужь дѣло не мое — завѣщаніе, похороны и все такое. Я констатирую факты.

— Факты, — сказалъ я, — имѣютъ то занятное свойство, что каждый констатируетъ ихъ по своему...

— Въ общественныхъ наукахъ — да. Въ естественныхъ наукахъ — нѣтъ. Я не политикъ и не экономистъ. Я — врачъ. Такъ вотъ, — съ точки зрѣнія врача... Съ точки зрѣнія врача — тотъ элементъ, который нынѣ называется кулацкимъ — это просто наиболѣе сильный физически, наиболѣе работоспособный элементъ деревни. Слѣдовательно, борьба противъ «кулачества» объективно ведетъ прежде всего къ снижению біологическаго уровня населенія. Я не знаю точно, — какъ въ другихъ районахъ. Въ нашемъ — эта борьба приняла довольно своеобразныя формы. Очень много парадоксальнаго... Нашъ районъ — онъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги и коллективизація подобралась къ нему не въ первую очередь. Нашъ районъ на основаніи опыта сосѣдей смогъ заблаговременно убѣдиться въ томъ, что коллективизація предпринята совсѣмъ всерьезъ и что власть ни передъ какими «затратами» не остановится. И вотъ — въ колхозы пошли прежде всего «кулаки». Лидеромъ этого движенія у насъ былъ нѣкто Касьяновъ. Замѣчательный мужикъ... Государственнаго ума мужикъ... Вотъ подъ его-то руководствомъ кулаки сложили все свое добро и заявили: мы-де стоимъ на платформѣ всѣми четырьмя ногами, мы-де съ милою душою, въ ногу съ властью, — ну и все такое. Не принять ихъ по тѣмъ временамъ было нельзя. Приняли. Бѣдняки же въ колхозъ не пошли вовсе. Причины? А вотъ какія причины: бѣдняка власть не грабила, бѣднякъ чувствовалъ себя въ безопасности, бѣднякъ былъ, такъ сказать, опорой рабоче-крестьянской смычки. Зачѣмъ ему въ колхозный хомутъ влѣзать?.. Кулакъ боялся и за свое имущество и за свою жизнь. И, наконецъ, кулакъ ясно видѣлъ, что и его коня, и его землю, и его молотилку у него все равно рано или поздно отберутъ. Если отберутъ въ чужія руки — пропалъ конь. А если войти въ колхозъ со своимъ конемъ? Мало ли что будетъ дальше. Колхозъ лопнетъ, а конь останется. Вотъ такъ и создались колхозы перваго призыва — кулацкіе колхозы. — Теперь — слѣдующій этапъ колхознаго производства: во-первыхъ, изъ области прислали председателей почти исключительно такихъ, знаете, «безусыхъ энтузіастовъ», индустриальной породы. Изъ тѣхъ, кто рѣпу отъ молотилки не отличить... Прислали планы. Колхозы упирались — и отъ председателей — вы представляете себѣ, что можетъ натворить вотъ этакій энтузіастъ, съ неограниченными полно-

мочіями. Ну, и отъ плановъ... Словомъ, эта «кулацкая верхушка», болѣе или менѣе спаянная, какъ-то ухитрилась вопреки всѣмъ планамъ какъ-то пахать и кос-что и припрятывать для себя. Затѣмъ: коллективизація или неколлективизація, — а хлѣбъ-то государству нуженъ. Съ кого его брать? Кулаковъ, единоличниковъ, «твердозаданцевъ» почти не осталось. Съ бѣдноты много не возьмешь... Она привыкла, чтобы государство ее подкармливало. Слѣдовательно, начали выколачивать изъ колхозовъ и это при томъ условіи, что сельскохозяйственный уровень деревни отъ этихъ плановъ, энтузіастовъ и неразберихи снизился примѣрно раза въ два-три, а хлѣбозаготовительные планы остались тѣми же. Въ колхозахъ поднялся вой. Бѣднота — инѣколхозная — ходила и поискивалась... А въ колхозахъ начались возстанія. Стали усмирять. Усмиривши, стали раскулачивать колхозы: кулаковъ ссылали за то, что они пролѣзли въ колхозы, бѣдноту, за то, что она не лѣзла въ колхозы. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ двухъ, даже меньше, кулацкій элементъ былъ ликвидированъ «какъ классъ». Что это означаетъ? Ставка на бѣдняка, которого власть держала на государственномъ изживеніи все время ПЭГа — это значитъ ставка на наименѣе полноценные элементы деревни. Ликвидация кулака — это означаетъ ликвидацию наиболее полноценнаго элемента деревни. А все это выѣстъ взятое — установило уровень хозяйственной техники — примѣрно.. примѣрно на высотѣ удѣльнаго періода Руси. И при очень невеселыхъ перспективахъ на будущее. Видите-ли. Уничтожены не только наиболее цѣнные работники, — уничтожена наиболее цѣнные производители... Теперь прибавьте къ этому непрерывное паденіе національной биологій въ результатѣ почти непрерывающейся голодовки, небывалаго нервного напряжения, вѣчной тревоги и вѣчнаго страха

— А какъ же съ приростомъ населенія?

— А, статистика — презрительно хмыльнулся докторъ .
 — Приростъ населенія? Не знаю... Можетъ быть — въ Соловкахъ... Или въ Сибири. Но у насъ? Издоръ! Здѣсь, конечно, вымираніе и опустошеніе. Да, конечно, были и голодные смерти, въ особенности веснами. Хотя, въ сущности, это не тѣ голодные смерти, когда человекъ умираетъ отъ голода въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ, въ большинствѣ — явленія истощенія организма проявляются въ цѣломъ рядѣ побочныхъ заболѣваний, которыя и даютъ роковой исходъ. И тѣ, кто роился за эти годы — плохіе жилицы на этомъ свѣтѣ. Да... Я, какъ видите, смотрю на вещи весьма пессимистически... Это, конечно,

не значить, что я долженъ оставить свой постъ. Если мы не всегда можемъ исцѣлять — мы все же можемъ утѣшать .

— Ходь мыслей у васъ не очень утѣшительный...

— Васъ я утѣшать и не собираюсь. Вошь вашъ Шубейко — тотъ нуждается въ утѣшеніи

— Боюсь, что я его сегодня не очень умѣло утѣшала. А за что собственно его подстрѣлили?

— Законченно-стандартная исторія власть и населеніе. Впрочемъ съ тѣмъ только уклоненіемъ отъ стандарта, что Шубейко мотался, колебался, нелюмѣвально и собирался смываться. Просилъ у меня медицинское свидѣтельство. Не успѣлъ. А занятый парень вашъ Шубейко. Если такихъ много — можетъ быть мой пессимизмъ и не очень оправданъ. И вошь рядомъ съ нимъ лежитъ деревенскій парнишка.

— Это тотъ, кому Шубейко такъ протективно шоколаду оставилъ.

— Оставилъ? Вошь какъ? Гмъ? Совсѣмъ не банально.

— Мнѣ кажется, что Шубейко знаетъ, кто его подстрѣлилъ...

Докторъ посмотрѣлъ на меня испытующе и даже не безъ нѣкотораго полонезрѣнія.

— Вы думаете? Впрочемъ — можетъ быть. Но вѣдь мы съ вами не слѣдователи. Во всякомъ случаѣ — не я.

— Могу васъ увѣрить, что и не я.

— Да, но вашъ братъ журналистъ — народъ любопытный. Я ваше любопытство кое-чѣмъ другимъ подразню. — Докторъ всталъ, порылся въ ящикъ стола и протянулъ мнѣ странный предметъ. Это была деревянная палочка, толщиной въ палецъ, съ грубо откованнымъ жѣлезнымъ допатообразнымъ наконечникомъ. Я вертѣлъ таинственный предметъ въ пальцахъ и ни на что примѣняющесся въ жизни онъ похожъ не бытъ

— Арбалетная стрѣла, — сказалъ докторъ

Таинственный предметъ сразу получилъ ясный отертанія. Дѣйствительно — стрѣла. Съ такимъ наконечникомъ, какъ у самоѣдскихъ стрѣлъ, предназначенныхъ для метельской охоты. Я вопросительно посмотрѣлъ на доктора

— Сурьезное оружіе. Эту — я изъ одного чекета вынулъ. Кожухъ, тазобедренный суставъ, погость малаго таза и тазовая кость — все къ чорту.

— Поцерь?

— Я думаю. Этакой штуки и метель не вытержитъ. А арбалетъ, если заинтересуетесь, можете посмотреть у шальшипяго

начальника милиціи. Разыскиваютъ владѣльца — арбалетъ нашли закопаннымъ въ дѣсу. Сейчасъ такими штуковинами орудуютъ вмѣсто обрѣзовъ. Огнестрѣльнаго оружія нѣтъ почти вовсе, едва-ли уцѣлѣли двѣ-три помполки на весь районъ. А это — безусловно и изъ мѣстныхъ матеріаловъ.

Эта сирѣла дѣйствовала на воображеніе

— Да, — сказала докторъ — Это — и симптомъ и симптомъ... Какіе-же прогнозы? Какъ бы вамъ сказать. Видь я — не политикъ — поскольку въ наше время можно не быть политикомъ. Самое скверное въ томъ, что борьба пошла на истощеніе, на изморь. Сильный организмъ — но и очень вирулентная инфекция. Нуженъ какой-то толчокъ извнѣ. Если будутъ займы ..

— Они были, — сказала я.

— Да, но недостаточные, да и тѣ разбазарены. Если будутъ займы

— , которые не будутъ разбазарены?

— Не перебивайте. тогда можетъ наступить переломъ въ сторону коммунизма. Если будетъ война, — коммунизмъ лопнетъ, сторитъ въ возстаніяхъ. Если будетъ европейская война — калибра мировой — думаю, что тѣло кончится мировой революціей и тогда, конечно, мы ограбимъ Европу до нитки и какъ-то выдѣземъ. Въ сильно потрепанномъ видѣ, но выдѣземъ. А при статусъ кво — борьба на истощеніе. Конечно, — все очень трудно предусмотрѣть. Кто могъ предусмотрѣть возвращеніе самострѣла? Кто скажетъ, что будетъ дѣлать деревня? Сейчасъ она принялась какъ запавшій звѣрь. Орызается обрѣзами, самострѣлами, топорами. А что она сдѣлаетъ завтра? Темна вода во облацѣхъ. — вздохнуть докторъ — Но, конечно, если отвѣчаться отъ научнаго объективизма, то — докторъ передернулъ плечами, точно въ озабѣ. — получается, чортъ знаетъ, что получается

Отъ Тимофеевна вошла въ комнату

— Что, кончили вы ваши колхозные разговоры?

— Кончить ихъ невозможно. Но можно складать перерывъ

— Вы знаете. И Л — обратилась Отъ Тимофеевна ко мнѣ, — не могу я слушать этихъ разговоровъ. И не хочу я думать обо всѣхъ этихъ вѣщахъ. Глѣе хорошо, что хоть за козлами можно обо всемъ этомъ забыть .

— Чисто женская точка зрѣнія, — сказала докторъ

— Женская, — возмущенно обернулась Отъ Тимофеевна. Женская? Очень хороший мужской мѣръ устроили вы на этой землѣ, господа мужчины. Замѣчательно устроили. Я вамъ

сейчасъ постель приготовлю, И. Л., вы, конечно, у насъ переночуете.

Но послѣ ночи, проведенной въ теплушкѣ, по кожѣ моей ползали всякія подозрѣнія. Я категорически отказался.

— Куда же вы пойдете? Уже ночь на дворѣ.

— Здѣсь у насъ такой порядокъ, — пояснилъ докторъ, — что, во-первыхъ, запрещается выходить на улицу послѣ сумерокъ, — ну на это вы, конечно, можете и наплевать, и, во-вторыхъ, — если вы пойдете, — васъ могутъ подстрѣлить, — ча что вамъ, вѣроятно, не наплевать...

Но я остался непреклоненъ.

— Ну, тогда я васъ провожу, — сказалъ докторъ — Надѣну бѣлый халатъ. Тогда не тронуть: такъ сказать, краснокрестная форма.

Мы пошли. Деревня была словно вымершей. Дырявыя оконницы избъ позаткнулись тряпками. Кое-гдѣ мелькалъ огонекъ лучины — въ просторѣчій именуемой «прожекгоромъ Сталина» — въ pendant къ пресловутой «лампочкѣ Ильича». Тихо. Ни пѣсень, ни голосовъ, ни дая. Деревня притаилась, дѣйствительно, какъ загнанный звѣрь; плотно прилегла въ нищету своего договища и мнѣ чудилось, какъ изъ каждой подворотни за мною слѣдятъ воспаленные взгляды чьихъ-то настороженныхъ, полныхъ смертельной ненависти глазъ. Когда я поворачивался, глаза эти закрывались, чтобы я не увидѣлъ ихъ голоднаго блеска. Я шелъ дальше и глаза снова неотступно слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ...

Мы подошли къ крыльцу никитинской избы. Докторъ попрощался и ушелъ. Я постучалъ въ дверь. Внутри поднялась какая-то встревоженная суетня, потомъ къ двери подошелъ кто-то и голосъ Никитина рѣзко спросилъ: «кто тамъ». Я объяснилъ. Заминка и молчаніе. Шаги ушли назадъ. Опять какая-то возня и заглушенные голоса. Потомъ двери раскрылись. Въ нихъ стоялъ Никитинъ и еще какой-то человекъ — оба съ револьверами въ рукахъ. Увидавъ, что я оцѣлъ, они успокоенно, но весьма неохотно впустили меня въ избу.

Въ избѣ горѣла тусклая коптилочка, за столомъ сидѣлъ кто-то третій, и въ воздухѣ явственно послышался бойкій ароматъ сивухи. Это значило, что я помѣшалъ выпивкѣ — мало простительный грѣхъ. Нужно было какъ-то изворачиваться.

Въ мѣру своихъ убогихъ спеническихъ дарованій я целенно принялъ видъ рубахи-парня, «своего парня въ доску». Успѣху этого нехитраго мѣропріятія способствовало то обстоя-

тельство, что во всякую свою экскурсію въ «низовку» я обязательно бралъ съ собою два-три литра чистаго торгсинскаго спирта. Противъ такого оружія не могла устоять никакая административная душа. Спиртъ же хранился во флягахъ въ рюкзацкѣ, а рюкзакъ былъ оборудованъ спеціальными приспособленіями — стальная цѣпочка и замокъ — противъ активистскихъ обысковъ: какъ только оставишь рюкзакъ въ какомъ-нибудь сельсовѣтѣ, то всякій, имѣющій хоть на полкопѣйки власти, неукоснительно полѣзетъ обыскивать его. Спиртъ произвелъ сенсацию — сивуха уже пріѣхала. Вотъ почему полночь застала насъ за дружеской и нѣсколько одностороннею окровавленной бесѣдой.

Кромѣ меня и Никитина здѣсь было еще двое. Низенькій, широкоплечій, съ угреватымъ лицомъ Кучерявенко — председатель сельсовѣта, и высокій стройный малый съ колной бѣлокурыхъ ялостью — Чижовъ, счетоводъ колхоза. Бли мы яичницу съ саломъ, конечно, изъ ворованыхъ яицъ и на ворованномъ салѣ (изъ фюла заготовокъ и контрабанды). Говорили о всякихъ вещахъ, въ томъ числѣ, конечно, и о Москвѣ, которая изъ этой дыры кажется чѣмъ-то весьма близкимъ къ земному раю.

— Да, — сказалъ Кучерявенко — Имъ тамъ хорошо — въ Москвѣ. Въ театрѣ ходятъ, декреты пишутъ. А мы здѣсь эти декреты своими книжками проводимъ. Сволочи. Вотъ, посылаютъ на село, а смотрите, что даютъ.

Кучерявенко вытащилъ изъ кобуры огромный, неистоваго калибра револьверъ, не менѣе, какъ столѣтній.

— Вотъ смотрите — и патроновъ не достать, и попробуйте курокъ извести. Тутъ нужно палыцами подковы ломать, чтобы съ этой хрѣновиной справиться. Пока взведешь — тебя пять разъ ухлопаютъ. Нѣтъ, ежели плешь челоуѣка на село, такъ ты дай ему оружіе, чтобы по всей формѣ. Всадили, сволочи, на эту погибель. Тутъ кулакъ на кулакъ сидитъ.

— Въ печенкахъ у тебя этотъ кулакъ сидитъ, — сказалъ Чижовъ. — А больше нигдѣ его нѣту.

— Оппортунистъ ты, сукинъ сынъ, — сказалъ Никитинъ, — смотри, братъ, констраешься..

— Никакой я не оппортунистъ. Вообще наоборотъ. Я вамъ прямо скажу, товарищъ, — обратился онъ ко мнѣ конфиденціальнымъ тономъ, все это вообще неправильно сдѣлано. Разъ порядокъ — такъ порядокъ. Разъ коллективизация — такъ коллективизация. Чтобы мужику ни туда, ни сюда. Чтобы сразу все по плану — никакихъ етничковъ, никакихъ приусадеб-

ныхъ участковъ, чтобы планъ на всю область: тутъ картошку сѣять, тутъ овесъ, тамъ свиней разводить, тамъ — курь, чтобы специализация производства. Какой у насъ планъ былъ! -- Все какъ на арифмометрѣ!.. А то что получается? Самъ чорть ногу сломить... Одинъ мужикъ идетъ въ колхозъ, другого револьверомъ гонять, третьяго — въ Сибирь шлютъ. Развѣ это — планъ? А возьмите приусадебные участки. На колхозные работы — такъ мужика и револьверомъ не выгонишь. А почему? Потому у него своя земля есть, хоть въ портянку, а есть. Тутъ то онъ и копается, какъ китаецъ, прямо. Книжки покупаютъ. Кости отъ падали собираютъ, въ муку мелеть, свою портянку посыпаютъ... А выгонишь его на колхозный участокъ -- такъ онъ тебѣ такое наворотитъ, что потомъ десять бригадъ ни хрѣна не разберутъ. Пошлютъ сѣять, -- такъ онъ зерно въ тряпочку, да подъ борозду. Ночью выкопаетъ и съѣстъ. А потомъ — поле: было засѣяно? Было засѣяно. А что выросло? Ни хрѣна не выросло. Вотъ тебѣ и посѣвной планъ.

— Ну, а трудодни, — наивничая я.

— Трудодни? — свирѣпо переспросилъ Чижовъ. -- Въ печенкахъ у насъ эти трудодни, какъ кулаки у Кучерявенко. Вотъ это самая язва и есть. Вы только посмотрите...

Кучка трудовыхъ книжекъ валялась на полу. Чижовъ нагнулся и захватилъ ихъ цѣлую горсть. Это были истрепанныя, замусоленные мужицкимъ потомъ и мужицкими руками грошевыя тетрадошки изъ какого-то бумажнаго «утильсырья» (бумажный голодъ!). Въ нихъ корявыми мужицкими пальцами были нацарапаны всяческіе «коэффициенты», — неразборчивыя, разлѣзавшіяся, полустертыя карандашныя записи.

— А у насъ такихъ больше тысячи. Теперь смотрите: на каждый день нужно отмѣтить: квалификация работы по специальности, количество работы, качество выполненія, срокъ выполненія, штрафы, огрѣхи, опозданія и все такое. А кто заполняетъ? Бригадиръ заполняютъ. Тутъ на каждую книжку главбуха нужно поставить. Да какого? Со столѣтнимъ стажемъ. А ну, подсчитайте, сколько кому придется трудодней и сколько придется на трудодень! Когда мы сами ни хрѣна не знаемъ — ни сколько посѣяно, ни какъ посѣяно, ни сколько государство возьметъ... А тутъ тебѣ и зерно, и мясопоставки, и дорожная повинность, и шерсть, и утильсырье, и яйца — цѣлый универмагъ. Я вамъ, товаришь, вѣрно говорю. Я бухгалтеръ — специалистъ. Я въ Воронежѣ три года учился да пять лѣтъ на бухгалтерской работѣ былъ. Я если дуракъ, такъ извините, не глумитѣ другихъ — вотъ вродѣ этого Никитина.

— Не грепись, Сашка, — примирительно сказалъ Никитинъ, — что ты специалистъ по всему району, такъ объ этомъ никто не говоритъ. Только уклонистъ ты... Критиканъ...

— Ахъ ты, сукинъ ты сынъ, — взвѣлся Чижовъ, — ужъ ты бы молчалъ... Вотъ — сорвемся теперь къ чортовой матери, такъ кого за зебры возьмутъ? Тебя? Такъ ты сейчасъ же: это, товарищи, не я, я парень рабочій, я парень партійный, я вотъ тутъ у меня специалистъ сидитъ, — такъ онъ все подсчитываетъ, — такъ этого специалиста за ж. и въ конвертъ. Я тебѣ, какъ специалистъ, и говорю при такихъ порядкахъ не то что одного счетовода на цѣлой колхозъ, а около каждого мужика по цѣлой канцеляріи посадить нужно. Дураки вы съ Кучерявенко и больше ничего. Вамъ только ходить съ пушками по хатамъ, да въ Сибирь высылать. А ежели вотъ эта ячница — такъ кто ее долженъ по книгамъ списать? А ну спиши ты. Я посмотрю на тебя, какой ты красивый потомъ будешь... А вотъ ты съ этой бумажной фабрикой разберись, — Чижовъ ткнулъ рукой въ кучу трудовыхъ книжекъ. — Полохнешь...

Кучерявенко степенно вытянулъ подстакана разведеннаго спирта.

— Вотъ чудакъ ты человекъ, Чижовъ, вотъ чудакъ. И чего ты паникерствуешь? Я вотъ три года по колхозамъ работаю и ничего — не подохо. Вчера вотъ получилъ анкетный листъ отъ промкооперации. Двѣсти двадцать пять вопросовъ. Сколько сусликовъ, и какого пола. Сколько коней дохнетъ и сколько собакъ. И сколько мужики кожъ выдѣлываютъ и какихъ. Ну и все такое. Дай тебѣ такую анкету — такъ ты въ два счета подохнешь. А мнѣ — хоть я на бухгалтерію не обучался — мнѣ разъ плюнуть...

— И за двадцать разъ не плюнешь..

— Плюну. Уже плюнулъ. Я это все вчера и раздраконилъ: сусликовъ 1927, изъ нихъ мужскаго пола — 722, женскаго — 9872; кони дохнутъ, какъ полагается, по семь съ четвертью въ день; кожъ выдѣлывается: бараньихъ — 176, ослиныхъ — 89, до выдѣлки дурацкихъ кожъ пролетаріатъ нашего колхоза еще не додумался...

Никитинъ снова примирительно вздохнулъ. Онъ уже и на табуреткѣ сидѣлъ не очень увѣренно.

— Тебѣ, Кучерявенко, хорошо. Кто твою статистику и всякую тамъ промхерацию провѣрять будетъ. У тебя главное — потолокъ. Посмотрѣлъ на потолокъ — и сразу видно, и сколько родилось и сколько померло, и насчетъ сусликовъ. А у насъ — вотъ соберемъ колхозное собраніе — такъ тутъ за кажлый трудовень каждая баба такой хай подыметъ И Чижо-

ву въ морду своей книжкой тыкать будетъ... Плесни-ка мнѣ, Чижокъ, еще полбаночки... А потомъ дадимъ авансомъ по полфунта на трудодень. На хлѣбопоставки, — смотришь, и ни хрѣна... А потомъ ходи по хатамъ и отбирай эти самые полфунта. Отберешь — зарѣжутъ. Не отберешь — посадятъ.. Кулаки тутъ, братъ, зубастые. Вотъ и крутись тутъ...

— Ничего, докрутимся, — мрачно сказала Чижовъ

— Ну и паникеры же вы, ребята. И крутятся тутъ нечего. Тутъ первое дѣло — покрутился — смывайся дальше, какъ въ другой колхозъ. Прикатилъ. А кто тутъ до меня хозяйствовалъ? Чижовъ? Тутъ и катая рапортъ: отмѣчена полная безхозяйственность, недооцѣнка государственныхъ интересовъ. Которая отчетность — такъ ни уха ни рыла.. Разбуханіе приусадебныхъ участковъ. Словомъ, чтобы видно было: вотъ это работники, то-есть, значить, я. А Чижовъ на мое мѣсто прикатить. А кто тутъ раньше залузыривалъ? А, Кучерявенко? Катая Кучерявенко и въ хвостъ и въ гриву, и по коню и по оглоблямъ: безхозяйственность.. отчетность.. засоренность чуждымъ элементомъ. Главное дѣло — не сиди на мѣстѣ..

— Текучесть кадровъ? — переспросилъ я.

— Еще бы не текучесть. Отъ такой жизни — въ соплю растечешься. Главное — не засиживаться. Ничего, я то не заслужу... А пока вотъ сидимъ — булькнемъ еще по одной. — Ты, Чижовъ, какъ специалистъ, набулькай еще по малости.

Чижовъ началъ булькать. Въ дверь раздался рѣзкій повелительный стукъ. Чижовъ поблѣднѣлъ, прекратилъ свое бульканье.

— И кого это чортъ несетъ?

На минуту за нашимъ столомъ воцарилась растерянность. Потомъ бутылки, стаканы и остатки яичницы стремительно были позапаханы подъ столъ. Никитинъ нетвердой походкой, вынимая на ходу свой наганъ, направился къ двери. Кучерявенко съ усиленіемъ сталъ взвотить свой пресловутый курокъ. Курокъ со ржавымъ скрипомъ заскочилъ на мѣсто.

— Кто тамъ?

— Да открой, мать твою... Не узнаешь, что ли? .

Лицо Чижова поблѣднѣло еще больше.

-- Начникъ *) сосѣдняго района.. Чего бы ему.. Ночью..

Я понялъ безпокойство Чижова. Сосѣдній начальникъ могъ означать вышнательство высшей власти: аресты деревенскихъ

*) Начальника милиціи

«головокъ» производятся всегда не мѣстной, а сосѣдней милиціей, — чтобы свои своихъ не покрывали...

Раздались звуки открываемыхъ запоровъ. Въ комнату размашистымъ шагомъ вошелъ высокій человѣкъ, въ кавалерійской шинели, съ револьверомъ и какой-то очень ужъ экзотической кривой саблей. На головѣ была милицѣйская фуражка. Онъ былъ одинъ. Значить — не съ арестомъ.

Вошедшій втянулъ въ себя елико возможно спиртного духа и сказалъ «ну-ну». Потомъ, глядя исподлобья на меня, рѣзко спросилъ:

— А это у васъ кто?

— Свой парень, -- успокоительно сказалъ Кучерявенко — Изъ Москвы.

— Гмъ, свой парень? — подозрительно переспросилъ начмилъ. — Ну, свой, не свой, вы ужъ, товарищъ, не обижайтесь, а документики-то ваши покажите

— Да пошелъ ты ко всѣмъ чертямъ, -- сказала Кучерявенко. — Говорятъ тебѣ — свой. И опять же ты не въ своемъ районѣ. Такъ и не распоряжайся тутъ.

— Что это значить, не въ своемъ районѣ? Разъ я начмилъ — такъ я вездѣ начмилъ. Пожалуйте-ка ваши документики, товарищъ, — настойчиво обратился онъ ко мнѣ.

Я полѣзь въ карманъ за «документиками». Чижовъ тѣмъ временемъ извлекъ изъ-подъ стола бутылку и стаканъ.

— Вотъ тебѣ, братъ, документикъ Московскій, центральный. Ты только понюхай...

По молодцеватой физиономіи начмила промелькнула борьба чувства и долга.

— А это что?

— А ты попробуй.

— Гмъ, -- сказалъ начмилъ

Чижовъ уже успѣлъ налить подстакана. Документы мои уже лежали на столѣ. Рука начмила колебалась, куда принадлежитъ ей протянуться: къ документамъ или къ стакану. Стаканъ одолѣлъ. Начмилъ покровительственно кивнулъ всей компаніи и опрокинулъ стаканъ въ глотку. Затѣмъ на лицѣ его отразился приблизительно такой комплексъ: вопросъ, восхищеніе и перерывъ въ дыханіи: спиртъ былъ разведенъ градусовъ на 70, а начмилъ глотнулъ, исходя изъ сорокаградуснаго расчета. Глаза начмила полѣзли на лобъ.

— Вотъ это -- да, — сказалъ начмилъ, откашлявшись. — Откуда выкопали?

— Товарищъ привезъ. Изъ правительственнаго распредѣлителя, — не моргнувъ глазомъ, съимпровизироваль Чижовъ.

— Ударный шнапсъ, — сказала начмилъ. — А закусить есть? — Чижовъ досталь остатки яичницы.

— Очень здорово получается, — сказала начмилъ, вдучиво и со вкусомъ допивая стаканъ.—Ударный шнапсъ. Спрячьте ваши документики, а то измажутся... Шнапсъ, можно сказать, — въ порядкѣ боевого задания. Еще осталось?

— Хватить, чтобы пѣшкомъ не дойти...

Публика вполне успокоилась и разсѣлась на свои мѣста. Начмилъ выпилъ еще порцію, оттеръ ладонью ротъ и съ многозначительнымъ видомъ осмотрѣлъ всю компанію.

— Такъ парень, говорите, свой?

— Въ доску, — сказала Кучерявенко.

— Партийный?

— Еще бы, — снова съимпровизироваль Чижовъ.

— Ну такъ вотъ, ребята. Такое значить дѣло. Угробили Федосевича.

— Вотъ такъ, мать твою... — сказалъ Кучерявенко.

— Кто такой Федосевичъ? — спросилъ я.

— Предсельсовѣта. Въ хатѣ. Сквозь окно бабахнули. Голова — въ дымъ.

— Однако, у васъ и пострѣливаютъ, — спросилъ я.

— Это да, — не безъ нѣкоторой гордости сказалъ начмилъ. — Какъ на турецкой перестрѣлкѣ. Тоже, дуракъ, свѣтъ важегъ, а окна не завѣсилъ. Ну и въ дымъ. Теперь дѣло вотъ какое. Есть слѣдъ на вашего Касьянова, не иначе, какъ онъ.

— А когда убили?

— Сегодня подъ ночь.

— Касьянычъ отпадаетъ, — сказала Кучерявенко. — Я съ нимъ въ МТС ѣздилъ.

— А тебя кто будетъ спрашивать — ѣздилъ или не ѣздилъ? Заткнись.

— Какой смыслъ Касьянову чужого предсельсовѣта хлопать? — спросилъ я.

— А это марксистически просто: Касьянычъ ухлопаетъ нашего, какой-нибудь изъ нашихъ кулачковъ ухлопаетъ Кучерявенко. На кооперативныхъ началахъ. Рука руку моетъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Никитинъ. — Касьянова еще рано. Онъ у насъ на конскомъ дѣлѣ стоитъ. Спецъ, сукинъ сынъ. А кони на учетѣ въ области. Нельзя.

— Что ты, брагъ, кулачковъ своихъ прикрываешь... А?

— Иди ты къ хрѣну, — отвѣтилъ Никитинъ. — Ничего я

не прикрываю. Только я — хозяйственникъ. Тебѣ все равно, ко-го къ стѣнкѣ ставить. А мнѣ не все равно. Тутъ у насъ Ваи-ловы есть. Вредная сволочь.

— Сколько семьи?

— Семь человѣкъ. Сволочи.. Старикъ у нихъ есть, Кузь-ма — главный тутъ мутило.. Я имъ докладъ объ агропомощи дѣлалъ. Такъ онъ и выскочилъ: я, говорить, по сто пудовъ съ десятины сымаль, когда нашъ предсѣдатель еще изъ носа въ ротъ сопли пушалъ. Авторигегъ подрываетъ, сволочь.

— Ну, такъ и ладно, — сказала начмилъ. — Вотъ его мы къ стѣнкѣ и поставимъ. А семью — къ чертямъ. И весь разго-воръ. Заметано?

— Замегано, — сказала Никитинъ. — Вредная сволочь.. Ну ка, Чижовъ, распредѣли дальше.

Чижовъ сталъ «распредѣлять».

— Возможно, что этотъ Вавилолъ никакого отношенія къ убійству и не имѣеть, — равнодушно сказалъ я.

— А кто ихъ тутъ разбереть. Тутъ на каждое село нужно по десять угрозъ поставить, чтобы разобраться. Хрѣнь съ ними. И одинъ — кулакъ, и другой — кулакъ. Одно сѣмя.

Логика начмила была убійственна. Но изъ своего арсенала я извлекъ оружіе, уже нѣсколько разъ испробованное, и на-чалъ обходнымъ маневромъ

— Чижовъ, тамъ, по-моему, еще селедки есть. А ну, давай-те еще подъ селедочку хлопнемъ.

— Селедка! — восторженно сказала начмилъ. — Вотъ это — да. Прямо, какъ въ торгсинѣ живемъ. Вали, братъ, селедоч-ку. Забылъ, съ котораго хвоста она кусается...

Добыли селедочку. Хлопнули. Никитинская чаша уже пе-репоилналась, и онъ смиренно улегся подъ столъ. Кучерявенко дремалъ. Чижовъ былъ блѣденъ отъ сивухи, отъ спирта, — мо-жетъ быть и еще кое отъ чего. Онъ мелькомъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то умоляющимъ взоромъ, словно хотѣлъ сказать: «ну, Москва, вывози»...

Еще хлопнули. Даже я, при всемъ моемъ иммунитетѣ въ спиртной области, чувствовалъ, что — хватить. Но начмилъ пришелъ сравнительно поздно и еще горѣлъ энтузіазмомъ. Пришлось хлопнуть еще. Чижовъ совершилъ маленькій рейдъ въ рижскомъ направленіи и больше не пилъ... Разговоръ шелъ о томъ, какая и гдѣ есть водка и какой гдѣ гонять самогонъ. Но я зналъ, что, рано или поздно, разговоръ пойдетъ о Москвѣ и тутъ-то я начмила и подцѣплю.

Начмилъ опрокинулъ въ свою глотку очередную баночку,

благосклонно закурилъ мою папиросу — въ качествѣ, такъ сказать, антракта — и, наконецъ, спросилъ.

— Ну, а въ Москвѣ, товарищъ, что слышно? Въ нашей красной столицѣ?

— Поворотъ, — сказалъ я.

Начмилъ безпокойно обернулся ко мнѣ.

— Какой поворотъ? Куда поворотъ?

Я сдѣлалъ неопредѣленный зигзагообразный жестъ.

— Вообще — поворотъ. Революціонная законность. Льготы крестьянству. Ну, конечно, низовой аппаратъ чистить будутъ — какъ это всегда въ такихъ случаяхъ дѣлается...

— А по какой линіи чистить будутъ?

— Совѣтскій аппаратъ — по линіи укрѣпленія революціонной законности. Колхозный — за укрѣпленіе хозяйственнаго аппарата. Соблюденіе законныхъ интересовъ крестьянскихъ массъ...

— Охъ ты, елки зеленая. Что-жъ объ этомъ загодя не пишутъ?

— Ну, что вы, товарищъ! Развѣ можно политическія директивы такъ пускать? Развѣ о колхозной торговлѣ загодя писали?

— За колхозную торговлю никого на Соловки не перли.

— Положимъ — перли. За законность, конечно, попрутъ больше. Теперь, видимо, больше насчетъ администрированія будутъ погибать. И, говорятъ, крѣпко завинтятъ... По центральнымъ газетамъ уже предварительная директива есть — выяснять отступленія отъ революціонной законности, административные загибы — ну и все такое.

— А вы, товарищъ, отъ центральныхъ газетъ?

— Да.

— Ну-ну... На нашей шеѣ всѣ эти повороты... Такъ повернуть, что... Ну, а какъ это все конкретно?..

— Не могу, товарищъ. Директива еще идетъ въ секретномъ порядкѣ...

— Вишь, ты... Да вѣдь мы тутъ люди свои...

— Не могу, товарищъ. Сами знаете — дисциплина. Вы же человекъ партійный — сами должны понимать...

Начмилъ загрустилъ.

— Да — хрѣновое наше дѣло... Можно сказать и съ фронту и съ тылу. Ну, хлопнемъ еще.

Хлопнули. Начмилъ былъ очень задумчивъ. Я чувствовалъ, что Вавиловы на нѣкоторое время, вѣроятно не очень длительное, спасены. Больше ни о чемъ говорить было не нужно. Бутылки были пусты. Я положилъ подъ голову рюкзакъ и улегся

на полу. Начмилъ заснулъ за столомъ, положивъ свою многодумную голову въ лужу разлитой водки и застывшихъ пятень сала.

Черезъ нѣсколько минутъ вся мѣстная власть храпѣла во всѣ свои пролетарскія носовыя завертки...

**

Хилое осеннее утро съ трудомъ пробивается сквозь запла-танныя окна. Мѣстная власть еще похрапываетъ. Воздухъ — хоть топоръ вѣшай. Я выхожу на крылечко. Деревня только что просыпается. И мимо проходятъ крестьяне, окидывая меня взглядомъ, въ которомъ я читаю — «вогъ еще одну сволочь принесло на нашу погибель»... Скрипятъ журавли. Я достаю тотъ отчетъ, который мнѣ вчера всунулъ Никитинъ.

Скучно... Во-первыхъ, даже моему, привыкшему ко всякимъ рабкоровскимъ почеркамъ, глазу трудно разобрать его безграмотную мазню. Во-вторыхъ, зная: а) не очень опредѣленные размѣры земельныхъ угодій колхоза — сегодня участокъ отберутъ, завтра прирѣжутъ, б) не очень устойчивое число рабочихъ рукъ — однѣ вымираютъ, другихъ высылаютъ, третьи откуда то примазываются, в) количество скота, которое уменьшается съ каждой неделей, — зная это, всѣ остальные цифры я могъ бы написать, никуда не выѣзжая изъ Москвы. Кучерявко списывалъ ихъ съ потолка, Чижовъ высасывалъ изъ плановъ, изъ трудкнижекъ и изъ пальцевъ, — нехитрая статистика. И на нехитрую бригаду рассчитанная... Впрочемъ, что этакой бригадѣ до цифръ? Она прѣзжаетъ слегка и начальственно по бузить, проявить активность, а паче всего набивать свои голодающіе животы ворованной яичницей на ворованномъ салѣ. Чижовъ зря вчера хвастался насчетъ техники списыванія этихъ яицъ. Каждая бригада хочетъ по силѣ возможности отѣсться, каждая бригада знаетъ, что въ мірѣ существуетъ не она одна, и что всѣмъ нужно пожевать. Такъ что — списывать всѣ эти яйца — не такъ ужъ и хитро...

Я начинаю бродить по деревнѣ. Однѣ хаты заколочены, другія — заваливаются. За околицей строится зданіе «молочно-товарной фермы», никому въ мірѣ не нужной: и такъ большая половина уцѣлѣвшихъ деревенскихъ хлѣвовъ стоитъ порожнякомъ. Зато — «стройка»... Отъ мужиковъ, какъ это бываетъ вездѣ, ничего толкомъ не добьешься. Бабы болѣе откровенны, но изъ нихъ кромѣ «холеры» и прочихъ соответствующихъ межлометій — тоже ничего не выжмешь.

Встрѣчаю Никитина. Физиономія у него распухла и на ней

написаны: похмелье, головная боль и беспокойство по поводу моего «обслѣдованія»: какъ никакъ «центральная печать», — это не какая-нибудь легкая кавалерія.

— Ну какъ вы нашли, товарищъ Солоневичъ, — говоритъ онъ безпокойнымъ и чуть-чуть заискивающимъ тономъ.

— Такъ, знаете, въ общемъ ничего... Конечно, особенныхъ достижений нѣтъ, но колхозъ все же стоитъ прочно.

Никитинъ смотритъ на меня недоувѣрчиво: охъ и заливаешь ты, сукинъ сынъ, не иначе, какъ свинью положить хочешь...

Я усмѣхаюсь...

— Видите ли, товарищъ Никитинъ Люди мы свои.. Дѣло въ томъ, что кабакъ-то вездѣ. Въ одномъ колхозѣ немножко больше, въ другомъ — меньше. У васъ — меньше Съ зерно-поставками вы, конечно, не справитесь — такъ съ ними никто и не справляется Ничего страшнаго.

Никитинъ вздыхаетъ облегченно

— Очень трудно, товарищъ... Мы тутъ каждую директиву стараемся проработывать. Только ужъ болше много ихъ, снѣгопадъ. Такъ что иногда не то что проработать, а и прочитать не успѣешь...

Я прошу Никитина снарядить мнѣ полводу ло станицы.

— Это — сію минуточку. У насъ тутъ породистые кони есть. Сейчасъ будетъ.

Изъ Никитинской избы вываливается начмилъ Лицо у него мрачно и распухло. Запухшими глазками онъ всматривается въ меня и видимо старается вспомнить — что я, и кто я, и о чемъ вчера разговоръ шелъ. Мнѣ нѣтъ никакого расчета, чтобы онъ вспылалъ вчерашнимъ милицейскимъ рвеніемъ и сталъ ковыряться въ моихъ документахъ

— А, встали? -- говорю я, -- выкидывайте-ка вашихъ ребятъ сюда. Хочу заснять васъ.

-- Какъ, на фотографію?

- Да, на фотографію. Для «Нашей Газеты» — знаете, органъ ЦК союза.

- Знаю, знаю, какъ же! -- Распухшее лицо расплывається въ улыбку. Фотографіи -- это вообще рѣкость, вѣроятно и въ Воронежѣ ни одной пластинки не купишь развѣ что по «бронѣ». А тутъ еще перспектива попасть въ газету. Черезъ минуты двѣ-три вся правительственная бачка выстраивается у крыльца, поправляя свои дохмы и дѣлая административныя лица. На лицахъ должно быть написано все сознание важности реконструктивнаго періода, дѣловая озабоченность и пролетарская бдительность Все это -- написано.. Я шелкаю и обѣщаю

отпечатокъ прислать; такія обѣщанія я выполняю всегда: мало ли гдѣ и какъ придется встрѣтиться.

Изъ-за угла показывается телѣжка Начмилъ, помняшисъ, отводить меня въ сторону.

— Вы, товарищъ, насчетъ выпивки ужь извините.

— Да что вы, — перебиваю я, — что вы, ей Богу, дурака валяете. Какъ говорится, пей да тѣло разумѣй. Мы, коммунисты, въ трезвенники не тѣземъ. Конечно, — не пужно, чтобы массы..

— Итъ -- это у насъ потихоньку..

— Ну и великолѣпно!

Начмилъ снова мнется.

— И еще вотъ, товарищъ, насчетъ вчерашняго разговору.. Поворотъ этотъ самый. Ужъ вы, по товарищески, скажите, какъ это выглязить..

Я тѣлаю вить: и хочется и колется..

— Вы ужь, товарищъ, не безпокойтесь. Честное пролетарское слово, никому ни гу-гу..

— Вотъ что, товарищъ, начмилъ.. Говорить я не имѣю права. Понимаете сами. Но вотъ что я вамъ посоветую. Такъ, просто по товарищески: полегче на поворотахъ. Мѣсяца черезъ полтора все будетъ ясно, сами увидите. А пока — знаете..

— Да, да, конечно. Ну, большое вамъ спасибо. Теперь, оно конечно, — на поворотахъ..

Потѣхала телѣжка. Въ оглобляхъ тѣйствительно породистый крупный жеребень. На телѣжкѣ сидитъ Касьянычъ — тотъ самый, о которомъ вчера рѣчь шла два раза. Касьянычъ смотритъ на меня пронизывающе и угрюмо.

— Ну, сажьсь, что-ль, поѣдемъ.

— Что же ты, сукинъ сынъ, сына товарищу не подложилъ. Вѣль тритнать вереть вхать.

— Сына у насъ, не то, что товарищамъ, а и конямъ не хватаетъ.

— Ахъ ты чортъ. Ну, я сейчасъ..

Начмилъ нырнулъ въ Пикитинскую ямбу и вынырнулъ съ тулупомъ Кучерявенки.

— Вотъ на это сажьтесь. Такъ будетъ мяче.

— Слушай, — запротестовалъ было Кучерявенко — а мнѣ по району вхать.

— Ни чего, не полохнись. Ну, прощевайте, товарищъ Соловевичъ. Заглядывайте еще..

Телѣжка тронулась..

Я мелькомъ оглядѣлъ Касьяныча Могучія плечи, истощенное лицо. Единственный глазъ дѣйствительно «на сажень сквозь землю видить». Я вспомнилъ слова доктора «государственного ума мужикъ». Да, этотъ похоже, что «государственного ума». По тому, какъ онъ быстро общупалъ меня своимъ единственнымъ глазомъ, я почувствовалъ, что этотъ, пожалуй, сможетъ докопаться до того, до чего не только активисты, а и докторъ не докопался. Но Касьянычъ никакого видимаго вниманія ко мнѣ больше не проявилъ. Казалось, что вопросъ о моемъ «соціальномъ положеніи» его вовсе не интересуетъ: чѣмъ ли какую обследовательскую рвань возилъ онъ тутъ и сюда. Но меня-то Касьянычъ интересовалъ. И не только изъ празднаго любопытства

Выѣхали за околицу. Я досталъ папиросы и прогнать коробку Касьянычу. Касьянычъ полѣзъ въ нее своими чугунными пальцами. Я сталъ чиркать спичку за спичкой Спички, будучи совѣтскими, но не экспортными, конечно, не зажигались.

— Этакъ всю коробку спалишь. Погоди

Касьянычъ досталъ кремень и огниво.

— Да, папироска, можно сказать, нарскаго времени. Легка только. Нашему брату — махорки бы... Да вотъ — не то-стать...

Докуривъ папиросу, Касьянычъ внимательно посмотрѣлъ на ея мунштукъ и прочелъ: Северная Паль-ми-ра Что это? Никакъ совѣтскія? Безъ ятя-пишется...

— Совѣтскія.

— Ишь ты... И папиросы дѣлать научились. Такъ пойтить — лѣтъ черезъ сотъ пять и землю пахать научатся.

— А теперь не умѣютъ?

Касьянычъ пожалъ плечами.

— А ты возьми глаза въ руки. Кругомъ погляди.

Глядѣть, въ сущности, было не на что. Знакомая картина. Тянулись жидкія жнива. Сквозь нихъ, несмотря на осень, пробивались могучія заросли бурьяна. Не разобрать: то ли это тавно заброшенный пустырь, то ли колхозное поле.

— Научились, — саркастически сказалъ Касьянычъ. — Э т о научатся... Держи карманъ шире, да брюхо подтягивай — Онъ помодчалъ. — А самъ то откуда будешь? Изъ Воронежа?

— Нѣтъ, изъ Москвы

— Ревизовать прѣхалъ. Или инструктировать?

— Нѣтъ, по писательской части.

Касьянычъ замолчалъ угрюмо и неодобрительно.

— А ты слыхалъ, Касьянычъ, тутъ вашего сосѣдняго предколхоза убили.

— Федосевича? Слыхалъ, разговоръ такой былъ. Только не знаю — правда ли...

— Правда... — Помолчали.

— А Вавиловыхъ ты знаешь?

— Вавиловыхъ, переспросилъ Касьянычъ совершенно равнодушнымъ тономъ, только руки его какъ-то тревожно сжали возжи, — Вавиловыхъ? Какъ же не знать. Знаю...

Мы опять помолчали. Потомъ Касьянычъ безпокойно заерзалъ:

— Что-то заднее колесо хлябаетъ.

Соскочилъ съ телѣжки и нагнулся къ заднему колесу.

— Такъ и есть, вотъ сволочи, прости Господи... Чуть не догядишь — и вотъ тебѣ: чеки нѣту. Не доѣдемъ мы съ тобой до станціи. Вотъ оказія. И чѣмъ бы тутъ заткнуть, замѣсто чеки? — Касьянычъ поковырялся въ телѣжкѣ, но ничего тамъ не нашель.

— Придется, братъ ты мой, на хуторокъ тутъ одинъ сбѣгать... Недалече. А ты тутъ посиди — чего коня зря гонять. Да и чеки нѣту, колесо свалится. Вотъ такъ оказія, мать твою...

Я съ полнымъ равнодушіемъ посмотрѣлъ на Касьяныча.

— Ну, что-жъ. Если надо — шпарь... Только если ты это насчетъ Вавиловыхъ, такъ пока не стоитъ...

Я внимательно смотрѣлъ на Касьяныча, но въ его лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Онъ весь казался погруженнымъ въ размышленія насчетъ чеки. Потомъ онъ медленно поднялъ свой единственный глазъ и такого глаза, пронизывающаго и проникающаго, я ни въ одной чрезвычайкѣ еще не видалъ. Касьянычъ неторопливо вынулъ изъ кармана ту самую чеку, которую онъ минуту тому назадъ вытащилъ изъ оси, легко, какъ коробку, приподнялъ одной рукой телѣжку (вмѣстѣ со мною), подправилъ колесо, вставилъ чеку. Телѣжка снова покатила...

— Ежели я тебя спрошу, что ты за человекъ такой, такъ вѣдь ты мнѣ все равно не скажешь... Значить, и спрашивать нечего, — вполнѣ послѣдовательно заключилъ Касьянычъ. — Отначе, чего бы тебѣ врать насчетъ Вавиловыхъ. Такъ, значить, — не къ сроку?..

— Не къ сроку. А черезъ недѣльку-двѣ пусть смываются.. Да и ты не заснивайся...

— Н-да, — сказалъ Касьянычъ, — вотъ тебѣ и жизнь. — Берсть десять мы ѣхали молча. Я думалъ объ этихъ засоренныхъ, опустошенныхъ степяхъ, постепенно возвращающихся «въ первобытное состояніе», объ активистскихъ печемѣгахъ, рыскающихъ съ наганами и высматривающихъ мужицкое добро и мужицкія спины, о вымирающей мужицкой сѣлѣ. Касьянычъ, вѣроятно, думалъ о томъ же, можетъ быть только въ другихъ образахъ и терминахъ.

— Такъ, говоришь, писатель? — прервалъ наше молчаніе Касьянычъ. — Россію описываешь?

— Описываю...

— Ну, описывай, описывай. Поторапливайся, только. Еще лѣтъ этакъ десятокъ — и описывать нечего будетъ...

— Что-жь? Всѣ перемрутъ?

— И очень просто. Ты вотъ посмотри — вонъ тамъ пригорочекъ. Помѣщикъ тамъ стоялъ. Ну, отъ экономіи, самъ видишь, ни кола ни двора. А это поле эвонное было. Хлѣба во какіе стояли. Сто двадцать-сто пятьдесятъ пудовъ съ десятины брали... Ну, потомъ хуторяне развелись. И отъ хуторовъ — ни кола ни двора. И отъ хуторянъ — тоже. Сады разводили. И урожай были... А теперь погляди — развѣ это поле? Гдѣ пятнадцать пудовъ сняли, гдѣ пять, а гдѣ и вовсе ничего.

— Какъ — ничего?

— А такъ. Ничего — и конченъ разговоръ. Сверхранный сѣвъ, мать ихъ... Къ веснѣ мужики уже траву изъ-подъ сѣвга выкапывали и ѣли. А въ сѣвъ этотъ тыщи двѣ зерна ухлопали. Подъ револьверами сѣяли... Представленіе, да и только... Идетъ мужикъ по бороздѣ — бригадами все сѣяли, въ шеренгу — а зерно изъ кошеля да въ ротъ. А начальство: а ну, что у тебя во ртѣ, сукинъ сынъ, а ну, открой ротъ... Земля мерзлая, не заброновать, такъ и пропало зерно: что галки поклевали, а что такъ замокло... Двѣ тыщи пудовъ... Мать твою... А весной народъ уже подъ метелку дохъ. Я потомъ къ нашему агроному, на МТС. Что ты говорю, сукинъ сынъ, надумалъ. Ты, говорю, вредитель, контръ-революционеръ, къ стѣнкѣ тебя. Ты, говорю, у мужиковъ здѣшнихъ спроси, когда сѣять и когда жать... Ну онъ мнѣ въ носъ бумажку изъ района: провести, дескать, сверхранный сѣвъ на четыреста десятинъ, въ порядкѣ боевого задания, подъ личную отвѣтственность... Ну и провели. Думаешь, помогло? Не помогло. Вышелъ еще приказъ — салатъ сѣять, стался имъ салатъ, когда хлѣба нѣту, подъ салатъ землю надо уваживать. А навозу-то у насъ и такъ, какъ котъ наплакалъ — скотина передохла... Которую и такъ — порѣзали. Ну отъ са-

лата нашъ агрономъ какъ-то тамъ сткручивался, такъ его за жабры и въ подвалъ. Только его и видѣли...

Мы проѣзжали мимо пригорочка. Дѣйствительно — и отъ экономіи и отъ хутора — ни кола ни двора.

— Такъ вотъ ты подумай: было, значить, помѣщикъ. Потомъ хуторяне развелись. Потомъ хуторянь выперли, коммуны каку-тось развели. Набрали дармоѣдовъ, кормили, поили, мануфактуру давали. Лопнула и коммуна. Конскій совхозъ, заводъ то-есть, завели. Со всей губерніи, гдѣ породистые кони были, всѣхъ сюда пособирали тутъ и я съ годъ времени работалъ. Нагнали коней, а кормовъ нѣту. Перелохли, почитай, всѣ кони, вотъ только что въ моей конюшнѣ остались, самъ ужъ выходилъ. Теперь земля, видишь, совсѣмъ пустая стоитъ, глянь, — Касьянычъ обвелъ кнутомъ широкій полукругъ. — Нашему колхозу предлагали: милостивцы.. А чѣмъ вахатъ будемъ. Тракторами твоими...

-- Почему мои?

-- А чья-же они? Вотъ они, родиненькіе, стоятъ — сейчасъ дождемъ... Стань тутъ МТС-овскій стоялъ.. Вотъ погляди...

Десятка два тракторовъ стояли подъ разрушеннымъ соломеннымъ навѣсомъ. «Ихъ много дожди, засыпаютъ ихъ пылью». Проржавленные бока открыты всѣмъ непогодамъ..

-- Ты подумай, сколько тутъ денегъ-то убухано. Стоятъ, родиные, стоятъ. Все имъ чего-то не хватаетъ. То частей, то свѣчей, то горючаго, то чортъ его знаетъ чего еще... День работаютъ, мѣсяцъ постоятъ... Да.. А съ мужика послѣднее дерутъ, шкуру симаютъ, заноды тракторные строятъ. Тутъ студенты изъ Москвы пріѣзжали. Говорили, что главный контръ-революціонеръ, главный вредитель — самый Сталинъ-то и есть. Онъ дескать специально такъ и гнетъ. Ну, можетъ и врутъ... Однако, если подумать, такъ похоже.

Мы снова помолчали...

-- Да, — сказалъ Касьянычъ глухо. — Пропала наша Рассейонка... Пропалъ мужикъ—пропала и Россия. Развѣ-жъ можно такъ мужика зорить. Это какъ изъ коня хребетъ вынуть — одна конина и останется... Вотъ ты, говоришь, писатель. Такъ ты про мужика, братъ, напиши. Чтобы мужику работать дали. Чтобы рукъ не вязали.. Ты мнѣ, братъ, работать дай, — тутъ голосъ Касьяныча оживился, — ты мнѣ работать дай, такъ и я буду сытъ, и ты будешь сытъ, и Москву накормлю, и заграничному пролетарію хлѣба останется. А такъ — что? Связали мужика, ограбили, поставили наъ нимъ хулиановъ съ револьверами — и ни имъ хлѣба, ни намъ хлѣба — никому. Нѣтъ,

ты, братъ, про это напиши... А то, что? Читаешь газету — съ души воротить... Ну, я знаю, и ты крѣпостнымъ сталь, всего не напишешь... Знаю. А ты какъ-нибудь — сторонкой. Развѣ-жъ это жизнь?.. Мужика разстрѣливаютъ, мужикъ кого попадая рѣжетъ... Вотъ этого нашего Шубейкова подстрѣлили. А что онъ? Дуракъ и болѣ ничего. Куриному Богу подпрапорщикъ... А вотъ пріѣхалъ, дуракъ, съ револьверомъ, командуетъ, людей къ стѣнкѣ ставитъ... Былъ бы онъ моимъ сыномъ, я бы ему салазки загнулъ бы. Спустилъ бы портки да всыпалъ бы, такъ онъ бы мнѣ не покомандовалъ. А такъ — что? Народу нагубилъ да и самъ на тотъ свѣтъ отправляется... Нѣтъ, ты напиши... Ты думаешь, зачѣмъ я тебѣ это говорю? Ты думаешь, я не знаю — можетъ ты изъ чеки какой, а что про Вавилова, такъ только такъ, для замороку глазъ. Такъ за мои съ тобой разговоры — меня да на тотъ свѣтъ... Ну, конечно, того свѣта я не очень, чтобъ боялся... Хуже этого не будетъ. А все-таки надѣя есть, можетъ доживу... Да... дожить бы... Я бы... посмотрѣлъ.

Голосъ Касьяныча вздрогнулъ безпредѣльной, сжатой подъ чудовищнымъ давленіемъ, смертельной ненавистью. Онъ понималъ, что этого показывать нельзя, и замолчалъ. Я подумалъ о томъ, что смотрѣть Касьянычъ не сталь бы. Конечно, можетъ быть гласъ народа — гласъ Божій и судъ народа — тоже будетъ Божьимъ судомъ... Однако при мысли о десяткахъ миллионѣвъ вотъ этакихъ Касьянычей, которые когда-то будутъ, конечно, они будутъ, — творить свой судъ и свою расправу, на душѣ стало нехорошо. Страшная это будетъ расправа... Едва ли мѣръ такую видалъ... Пронеси, Господи...

Я протянулъ Касьянычу папиросы. Касьянычъ молча, дѣлая какія-то судорожныя глотательныя движенія, взялъ папиросу, досталъ опять свое огниво и, видимо, справившись съ собой, выкресалъ огонь и сказалъ спокойно.

— Такъ оно способиѣе. Сказываютъ, въ старое время люди и топоры изъ камня дѣлали. Вотъ такъ и мы скоро будемъ дѣлать... Эти совѣтскіе топоры — такъ они объ сосну ломаются. Н-да... А смываться куда-нибудь надо... Куда-нибудь на вольныя земли. Сказываютъ, въ Перми и въ Сибири такія земли есть...

Касьянычъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— Вотъ ты — образованный... Такъ ты мнѣ скажи: есть такія земли или зря люди говорятъ?..

Я прочелъ ему маленькую и весьма неопредѣленную лекцію преимущественно о пограничныхъ районахъ востока.

— Гмъ... Персія, говоришь... Асхабадъ (объ Асхабадѣ я, кстати, ничего не говорилъ). Знаю эти мѣста... Бываль. Только тогда Персія безъ никакого интересу была. Своя земля была, свое отечество было...

— А теперь отечества нѣту?

— Кому есть, а кому и нѣтъ. Мужичу ужъ лучше подъ персомъ быть. Или подъ японцемъ. Плохо, говоришь? Можетъ и плохо. А, знаешь, какъ ни плохо жить, а помирать все-таки еще хуже...

Я молчалъ. Мы подъѣзжали къ станціи. Нѣкто въ рваномъ, исполнявшій какія-то видимо весьма универсальныя обязанности на станціи, яростно огрызнулся на меня.

— Поѣздъ? Хрѣнь его знаетъ, когда будетъ поѣздъ. Опять криченіе. Чтобъ ихъ... Насадил тутъ всякую сволоту на нашу шею. А потомъ -- подъ судъ иди... У-у... мать ихъ... Чтобы ихъ всѣхъ всѣми холерами передушило...

Нѣкто въ рваномъ повернулся и ушелъ. И такъ, поѣздъ откладывался въ неопредѣленность. Ёхать назадъ, къ начмилу и иже съ ними?.. Я рѣшилъ остаться ночевать гдѣ-нибудь на станціи. -- куда-нибудь приткнусь.

Я вернулся къ телѣжкѣ. Касьянычъ старательно вытиралъ коня клокомъ сѣна. Я досталъ червонецъ и протянулъ ему. Касьянычъ помоталъ бородой.

— Нѣтъ, это, братъ, ни къ чему. Не возьму я твоихъ денегъ... А за Вавилова —спасибо... Конечно, что Вавиловъ? Тутъ милліоны... А вотъ ты, ежели ты человекъ, какъ человекъ, напиши, братъ. Хоть стороночкой. Напиши. Чтобы дохнуть дали. Вѣришь, какъ передъ Истиннымъ, — борода Касьяныча задрожала, -- какъ передъ Истиннымъ — нѣту никакой мочи. Никакой... Напишешь?

Я сказалъ:

— Напишу...

Касьянычъ стремительно схватилъ мою руку своей шершавой чугунной ладонью и долго трясъ.

— Ну, смотри, братъ, напиши... Не обмани... Ужъ и такъ — обманывали, обманывали... — Голосъ Касьяныча прервался. Онъ круто повернулъ и отошелъ къ телѣжкѣ.

Я не обманулъ Касьяныча. Но для того, чтобы не обмануть его, мнѣ пришлось пройти черезъ годъ концентраціоннаго лагеря, полтора года верстъ карельской тайги и совѣтскую границу.

Вотъ я и пишу...

И. Солоневичъ.